

О ГЕНРИКЕ ДЖЕВЕЦКОМ

Воспоминания Целины Будзыньской

Передо мной лежат две книжки: «Квасняки» и «Фирулее», написанные и изданные в 1930-х, переизданные в 1950-х годах. Две книжки — эпизоды жизни и борьбы в «санационной» Польше — вот все, что осталось от Генрика Джевецкого — писателя, общественного деятеля, коммуниста. Можно считать, что это и много и мало. Много — потому что большинство разносторонне талантливых деятелей нелегальной Коммунистической партии Польши не оставило после себя никаких печатных трудов. Мало — потому что жизнь талантливого художника, писателя, публициста оборвалась в начале его творческого пути.

Джевецкий был одним из немногих польских революционных писателей периода между двумя мировыми войнами. Его облик отразился в двух книжках, которые он успел написать. Но как о человеке и общественном деятеле о нем почти ничего неизвестно. Чтобы написать краткую биографию Джевецкого, пришлось обратиться в архив Варшавского университета, где хранится его студенческое дело.

Генрик Джевецкий родился в Варшаве 3 января 1905 г. Его детство и юность прошли на грязных и шумных улочках предместья Варшавы — Праги, населенных польской и еврейской беднотой. Он рано начал зарабатывать себе на жизнь, занимаясь с учениками, давал уроки рисования. Джевецкий посещал гимназию профсоюза польских учителей, известную тем, что среди ее преподавателей и учеников было много людей, придерживающихся левых взглядов. Можно предположить, что уже тогда начало складываться его революционное мировоззрение, но выкристаллизовалось оно значительно позднее. В 1924 г. он закончил среднюю школу. Ему было тогда восемнадцать лет, он многим интересовался, но туберкулез помешал сразу же продолжать занятия. Почти год он лечился и лишь в 1925 г. поступил в Варшавский университет, где изучал, главным образом, историю польской литературы под руководством известного критика и писателя Кароля Ижиковского, любимым учеником которого он стал.

Для Джевецкого это — годы исканий и выбора собственного пути. Любимое занятие — живопись. Он считает живопись своим призванием. Одновременно он пробует писать. Пишет рецензии и статьи в левые органы печати — «Dźwignia», «Miesięcznik Literacki», руководит одним из отделов рецензий в «Wiadomościach Literackich».

Джевецкий принимает участие в литературных дискуссиях, посещает литературные вечера группы «Kwadryga». Знакомится с талантливыми поэтами — Галчиньским, Слободником, Салиньским. В эти же годы он все более сближается с польской компартией, ночами штудирует Маркса,

Ленина, изучает марксистскую философию. Постепенно он отказывается от живописи, полагая, что в условиях Польши того времени бороться пером можно успешнее, чем кистью.

В 1930 г. Джевецкий издает брошюру под названием «От черных крыльев к черной рубашке» — в ней он полемизирует с Каденом-Бандровским, роман которого «Черные крылья» выражал, по его мнению, профашистские взгляды автора. В том же году Джевецкий был призван в армию. Армия стала для этого человека, больного туберкулезом, типичного представителя польской интеллигенции, суровой школой. Она дала ему большой жизненный опыт. В армии он ведет нелегальную политическую работу, которую продолжает и впоследствии.

Вскоре его постигает новое несчастье — тяжелое заболевание глаз, трахома. Демобилизовавшись, Джевецкий поселился в маленькой квартире на улице Крулевской, д. № 48. В комнате его было множество книг, на столе — рядом с листами корректуры и рукописями — пузырьки с лекарствами, глазные капли. Трудности его спартанской жизни делила с ним его верный друг и товарищ — жена Ада, маленькая изящная брюнетка, которая, окончив трудовой день в библиотеке, садилась переписывать рукописи мужа. В трудные минуты она проявляла незаурядную энергию. Жизнь Генрика была заполнена легальной журналистикой и работой нелегальной — в Польской компартии. Он встречался с деятелями КПП, с революционными писателями, со многими представителями радикальной интеллигенции. Но эта жизнь, полная напряжения, продолжалась недолго.

В 1931 г. Джевецкий был арестован за коммунистическую деятельность и приговорен к восьми годам тюремного заключения. Сидя за решеткой, он написал потрясающий рассказ о тюремных нравах, о преследованиях политических узников, о их героизме. Рукопись этого документального рассказа, к сожалению, бесследно исчезла. Через два года, когда врачи заявили, что дальнейшее пребывание Джевецкого в тюрьме может свести его в могилу, «санационные» власти вынуждены были выпустить его из тюрьмы для лечения. Он снова возвращается к активной политической жизни. По заданию КПП он становится политическим руководителем легального общественно-литературного журнала «Lewar».

Журнал «Lewar» — символическое название которого означало не только подъемный кран, но и сокращенное сочетание двух слов — «Lewica artystyczna» — продолжал традиции таких левых литературных органов, как «Nowa Kultura», «Dźwignia», «Miesięcznik Literacki». После запрещения «Miesięcznika Literackiego» в 1931 г. и ареста его редколлегии наступил длительный перерыв в издании литературных органов, руководимых КПП.

«Lewar», издававшийся в 1933—1936 гг., объединил младшее поколение левых и революционных писателей. Его постоянными сотрудниками были Леон Пастернак, Станислав Ежи Лец, Сидор Рей, Элижбета Шемпельнска и др. Авторы, писавшие для «Lewara», часто встречались с Джевецким, но, вероятно, многие из них и не подозревали, что этот проницательный критик и редактор является активным деятелем КПП. До сих пор некоторые из них вспоминают о присущем ему такте, умении терпеливо разъяснять вносимые в статьи исправления. В то же время Джевецкий работал над своей первой книгой. Подобно исследователю-социологу, он старательно собирал материалы об условиях жизни безработных. В 1934 г. книга Джевецкого «Квасняки» вышла, наконец, в свет.

Для польской литературы 1930-х годов знаменательно появление романа с ярко выраженной социально-демократической направленностью. Наиболее известными произведениями тогда были романы Леона Кручавского и Ванды Василевской. В то же время в литературе получает

ГЕНРИК ДЖЕВЕЦКИЙ

Фотография, 1925

Архив Института истории партии
при ЦК Польской объединенной
рабочей партии, Варшава

распространение «бытового» роман, правдиво изображающий человеческие нужды и беды. Он приобретает благодаря этому остро критический характер.

В «Квасняках» мы находим гармоническое сочетание документальности с художественностью. Джевецкий описывает жизнь безработных, которым угрожает выселение из дома на Квасной улице. В отличие от авторов «бытового» романа, подчеркивавших безнадежное положение своих героев, он воссоздает людей борющихся, защищающих свое право на человеческое существование. Книга эта, однако, не свободна от схематизма. Страстность общественного деятеля, стремление к раскрытию социального механизма, суровой правды классовой борьбы, превалирует в ней над художественностью формы. Несмотря на это, повесть «Квасняки» живет и будет жить в польской литературе благодаря верному отражению действительности.

Для Джевецкого этот период был полон беспокойства. Рассчитывать на смягчение приговора не приходилось, а тюрьма для человека, больного туберкулезом, означала смерть. В конце 1934 г. партия решила отправить Джевецкого за границу. Сначала он выехал в Париж, где установил контакты с рядом революционных писателей, а в 1935 г. — в СССР.

Отчетливей всего я помню Генрика именно в этот период — высокий, сутуловатый, в темных очках, защищавших больные глаза. При первом знакомстве он казался суровым и хмурым. Но это впечатление быстро рассеивалось, стоило лишь ему улыбнуться — в его улыбке сквозила застенчивость и удивительное расположение к людям. Сразу же после приезда

в Советский Союз он стал работать в Издательстве иностранных рабочих. В это время мы получили квартиру в новом доме Общества старых большевиков. Летом дети жили на даче. И Генрик вместе с Адой поселился у нас в маленькой комнате со светлой детской мебелью, куда поставили еще тахту и письменный стол.

Генрик находился под сильным впечатлением от непосредственного знакомства с Советским Союзом, восхищался Москвой, старался лучше узнать жизнь советских людей, посещал новостройки. Но в то же время он не расставался с мыслями о Польше, рассказывал о борьбе безработных, о демократизации интеллигенции, об интересных людях писательской «левицы»...

Я думаю, что уже в Польше, а позднее во Франции, Джевецкий был тесно связан с МОРПом — так как сразу же после приезда в СССР он установил контакты с руководством МОРПа в Москве. Он бывал на встречах с советскими и иностранными писателями, часто виделся с ответственным секретарем МОРПа — Ст. Людкевичем. Я даже помню, как он готовился к информации о положении левых писателей в Польше и о их составе. Это сообщение он должен был сделать на одном из заседаний МОРПа. Там же, сразу после приезда, он встретился с польскими революционными писателями, находившимися в СССР.

По инициативе Джевецкого у нас на квартире для близких друзей, журналистов и литераторов Станислав Рышард Станде читал свою новую прекрасную поэму, представлявшую собой оригинальное продолжение «Медного всадника» Пушкина. Эти литературные вечера являлись как бы заседаниями редколлегии «Kultury Mas» — литературного журнала, выходившего на польском языке, в котором вскоре стали печататься рассказы Джевецкого.

В новых условиях Джевецкий страстно принялся за творческую работу. Видно, его давно уже захватила военная тема — он все время вспоминал о годах службы в армии. Работал он до поздней ночи, быстро исписывая листы бумаги, которые потом тщательно правил. Так возникли «Солдатские рассказы», опубликованные в 1936—1937 гг. в журнале «Kultura Mas» и изданные позднее в народной Польше под общим названием — «Figuleje».

Это книга, обладающая высокими художественными достоинствами. Сжато, лапидарно Джевецкий воссоздавал картину угнетения масс в панской Польше. Социальное содержание раскрывается здесь художественным изображением драматических судеб людей, загнанных в казармы и подвергающихся постоянной муштре.

Я перепечатывала по вечерам его рукопись на машинке и была, таким образом, первой читательницей «Солдатских рассказов». Каждый день я с нетерпением ожидала продолжения — и до сих пор, много лет спустя, я живо помню героев этих рассказов — коммунистов Коссаковского, Здзеня, Абрама, украинца Триске и других. Фрагмент новеллы «Могила на неосвященной земле», опубликованный в 1937 г., заканчивается словами «продолжение следует». Но оно не последовало...

Июль 1964 г.